

ФОРМИРОВАНИЕ «КУЛЬТУРЫ СЛОЖНОГО» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ОТ «ПОЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Алексей Семёнович КОЖЕМЯКОВ¹

SHAPING OF THE “CULTURE OF COMPLEXITY” IN WORLD POLITICS: FROM ARISTOTLE’S “POLITICA” TO MODERNITY Alexey S. KOZHEMYAKOV

РЕЗЮМЕ. В центре статьи находится проблема «сложности» применительно к наукам об обществе, политике, международных отношениях и мировой политике. Рассматриваются сущностные и методологические причины, вызвавшие обращение к понятию «сложности» как в политологических исследованиях, так и философско-гносеологическом аспекты этой проблемы.

Вместе с тем, статья является и естественной реакцией на публикацию в электронном журнале «Biocosmology – neo-Aristotelism» ряда статей (последняя из них – статья В.Б. Кудрина и К.С. Хруцкого, см. ссылки в тексте), в которых подняты фундаментальные вопросы Аристотелевой логики (точнее, её искажения), имеющие общенаучное методологическое значение. Сделан краткий перечень некоторых идей (Человек сознательный, органическая сложность мира, отход от двузначной логики «свой-чуждой» в политике, «экономика для XXI века»), и др., которые могли бы стать предметом дальнейших исследований и публикаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая наука, понятие «сложности», его использование в анализе мировой политики, Аристотелизм, трехзначная логика, «ката сямбетикос - приводящее», экономика и хрематистика, Человек сознательный, будущее мировой политики

ABSTRACT. The article is focused on the analysis of the concept of “complexity” with regard to Humanities, including social and political sciences, international relations and world politics. Substance related and methodological reasons of interest attributed to the concept of “complexity” in political science, as well as philosophical and gnoceological aspects of this issue. At the same time this article could be considered as “natural reaction” to the articles published in the e-magazine «Biocosmology – neo-Aristotelism», in particular in the last one by V.B. Kudrin and K.S. Khroutski (see the reference in the article below) where some fundamental aspects of Aristotle’s logic (rather its misinterpretation) which has an overall methodological impact to modern sciences. The article introduces a short list of some innovative ideas such as Homo conscious, organic complexity of the world, refusal of the dualistic logic “us” and “others in politics, economics for XXI century which could be subjects for further analysis and publications.

KEYWORDS: political science, concept of “complexity”, its use in international politics, Aristotelianism, “three-valued logic”, “kata symbebekos”, economics and chrematistics, Homo conscious, future of World politics

¹ Д.ю.н., независимый эксперт по мировой политике, г. Москва.

Содержание

Введение

1. Актуальность аутентичного прочтения «Политики» Аристотеля для современной политической философии
2. Необходимость пересмотра основных понятий в науках об обществе
3. Универсальное значение темы сложности для эпистемологии
4. Формирование «культуры сложного» – неперемнное условие выработки адекватной политической стратегии
5. «Человек сознательный», в свете нео-Аристотелизма

Заключение

SYNOPSIS

Following the ideas of his time, as well as his own system of holistic and dynamic consideration of reality, Aristotle considered all surrounding world forming a living whole. Therefore, the human being was seen by him as ζῷον πολιτικόν (zoon politicon) which was (accidentally or intentionally) was wrongly translated some hundreds of years later as “political animal”, although for Aristotle he was rather “living being of polis” (human living in social settlement proper for that time). It was in such surroundings that the human became a human being living among other humans and forming a society which was regulated by rational rules and laws.

Bearing in mind such misinterpretation of some basic ideas (another similar example is the misinterpretation of the third element of Aristotle’s triad – κατα συμβεβηκος (kata sumbebicos) described in the article of V.B. Kudrin and K.S.Khroutski [2017]), one should realize that not only in political sciences, but also in philosophical and general scientific logic some substantial “malfunction” has taken place. One of the most visible manifestations of this is the ever more frequent use of the notion of “complexity” by many scientific disciplines. Political sciences did not stay away from this process: “increasing complexity of the World”, at a common-sense level, does not require any specific justification because of its evident nature, thus it is commonly accepted today by political scientists. The difference still exists in the interpretation of the nature and degree of influence of this new phenomenon: from the interpretation of it as being until now “not fully understood” (and therefore somewhat “suspenseful”) reality” which is to be further investigated to calls for better perception of certain qualitative changes in World politics in political practice. Political philosophy could not stay behind in this new process.

At first glance, “complexity” in the study of World politics could be briefly defined as the joining in the given space and time of the objective diversification (steady increase of acting factors and actors of different nature in the system of international relations as well as direct and mutual connections between them) and its

subjective assessments (even more important difficulties for analysts in their evaluation of modern and future situation in the World system, having as an outcome the increasing variety of forecasts regarding its future development), and as a result – the uncertainty of mankind about its own future.

At the same time, in the political sciences, in particular dealing with World politics, one might have an impression that particular emphasis is made on the increase of the above mentioned “objective complexity”, leaving outside the “subjective complexity” which remains the subject of epistemology.

It is worth mentioning that during the last decades a new vision of Human being is growing in the World: it is oriented to the future, and “open to the future” of Homo sapiens. This vision is based to a lesser extent on the past and present experience, but rather is motivated by the organization of the World in the future (many scientific discoveries contributed to it: from physics, starting from quantum theory and quantum/probability logic which contributed to overcoming the mechanical approach of the previous era), to modern neurosciences (see the recent work of 2017 of Dirk K.F. Meijer and Hans J.H. Geesink stating multi-dimensional character of human consciousness and its connection with the Cosmos). In these new discoveries one could see the gradual raising of a new type of human being – Homo conscious and relevant to this Human society (the terms introduced by the team of authors from Saint-Petersburg which elaborated these concepts during the last few decades). Regarding World Politics, their views essentially provide the following: the coming era will be the time of peaceful and thoughtful creation by Homo conscious of the global unity of mankind which was existing as a “global phenomenon” from the very beginning. “Globalization” will cease to be vague, “opening the way to an unknown future”, almost similar to “natural” phenomena (and at the same time seen as a condition, a means and a goal, as it is seen today by the group of “leading nations”). It will become a permanently adaptive and consciously controlled process of establishment of the United Mankind, in practical terms striving for a common future for mankind. The safeguard and harmonization of life on our planet, based on common “reasons from the future” will become the main distinguishing features of Homo conscious. Naturally, his consciousness could be only complex and “complexity” will be integral part of it. In one word, during future process of self-organization, based on new principles of human rationality, the World’s Human society will be established.

Not “observing the rules of the game”, or “the changing of the rules of the game”, but resolute refusal of the perception of the United Mankind as a “place for games” – this will be a major task for the Homo conscious! His main difference will be the focus on the task of safeguarding and developing the United Mankind (far from being only economic one), which will be not assimilated with the modern concept of “globalization” and even less with “changes in the “zones of influence”. He will take the source of action not from the experiences from the past (which remains the key reference point for all modern theoretical and practical models of the future of World Politics), but immanent following to the “reasons belonging to the

future” (the third element of Aristotle’s triad “kata sumbetikos” – could it become a central potential for new vision of World Politics?).

Political sciences, including these relating to World Politics, to a significant extent did not overcome the strong limits of pragmatism and reductionism based on previous experiences inherited from the past and current concerns. It is to be concluded that, as to their basic points, these sciences did not experience not only “quantum” but even “Copernicus” revolution! The task of their renovation and bringing to the touch of modernity, and even more to the formatting of the future, has matured, and the concept of Homo conscious could contribute substantially to this process. To the extent of resolving above mentioned tasks, a new vision of “complexity” in the Humanities will be required (and not any more as managerial or technical task, but as a task having a “new sense” in Aristotle’s terms). This task was the starting concern in drafting this article.

РЕФЕРАТ

Аристотель, следуя представлениям своего времени и собственному целостному, всеохватывающему и динамичному видению мира, видел окружающую его реальность, как живое целое, а его ζῷον πολιτικόν [зоон политикон], которого через сотни лет (по ошибке, или намеренно) нарекли «политическим животным», был для него «живым существом полиса» (человеком, живущим в тогдашнем социуме-полисе). Именно в полисе человек становится человеком (но не «животным») среди других, живущим в обществе, управляемом рациональными законами и обычаями.

Принимая во внимание отмеченное искажение (другим схожим примером служит последний элемент Аристотелевской триады – ката сумβεβηκος [ката сямбевебикос] («привходящее»), о чём писали В.Б. Кудрин и К.С. Хруцкий в статье [2017]), можно отметить, что не только в политологии, но и в философской и общенаучной логике в целом, произошёл существенный «сбой», самым существенным образом сказавшийся на дальнейшем развитии научных представлений в самых разных сферах. Одним из проявлений этого логико-понятийного «сбоя» стало, на мой взгляд, всё более активное вторжение в наши дни в самые различные научные дисциплины понятия «сложности». Не остались в стороне и политическая наука, и науки о международной политике: «усложнение мира» вокруг нас на уровне обыденного сознания не требует доказательств (в силу его очевидности), поэтому не удивительно, что ссылки на «сложность» предмета политических исследований также стали сегодня «общим местом». Разнятся лишь оценки природы и степени «значимости» этого, якобы, нового феномена: от констатации его, как некоей «непознанной пока до конца» и посему подспудно «тревожной» данности, которую предстоит исследовать и прояснить, до призывов к осознанию неких качественных перемен, которые вносит эта растущая «сложность» в соответствующие оценки практической политики. Не может оставаться в стороне от этих новых процессов и политическая философия.

В первом приближении, «сложность» в изучении мировой политики можно кратко определить как совмещение в пространстве и времени объективного многообразия (устойчивого нарастания количества факторов и разнородных по природе субъектов действий в системе международных отношений, а также прямых и обратных взаимосвязей между ними) и его субъективных оценок (всё более ощутимые исследователями трудности в анализе текущих и перспективных состояний мировой системы, следствия чего проявляются в возрастающей вариативности их текущих и прогностических оценок) и в итоге – неуверенность Человечества в собственном будущем.

Вместе с тем, создается впечатление, что в науках о политике и международных отношениях имеет место развитие аргументации, подтверждающей нарастание преимущественно упомянутой «объективной сложности» рассматриваемых предметов анализа, оставляя вне зоны внимания «субъективную сложность», которая изучается преимущественно эпистемологией.

Следует отметить, что уже не первое десятилетие в мире формируется и иное, открытое в будущее (и будущему) представление о Человеке и его природе, ориентированное не столько на прошлое и настоящее, сколько на грядущее мироустройство (способствует тому открытия многих наук: от физики (начиная с квантовой теории до квантовой, вероятностной логики, позволивших преодолеть механицизм прошлого), до нейронауки (работы Дирка Мейера и Ханса Гиисинга 2017 года о многомерности человеческого сознания и его связи с Космосом). Благодаря этим и многим другим открытиям, речь идет о становлении нового типа человека – «Человека сознательного» (Homo conscious) и формируемого им «Человеческого общества», как назвали его авторы концепта, разрабатываемого последние двадцать лет группой петербургских авторов. Кратко, суть их развернутых в систему междисциплинарных воззрений, в том, что касается мировой политики в следующем: наступающая эпоха (эра) станет эпохой осмысленного мирного утверждения «Человеком Сознательным» единства Человечества, изначально появившегося, как «глобальное явление». Сама «глобализация» перестанет быть расплывчатым, предваряющим нечто неизвестное, почти стихийным явлением (и одновременно «условием», «средством» и «целью», как они видятся сегодня группе «ведущих держав»), а превратится в трансформируемый и контролируемый сознанием процесс формирования практически объединенного Человечества, ориентированного на общее будущее людей. Сохранение и гармонизация жизни на планете, наличие общей для всех «причины из будущего» станет главной отличительной особенностью мышления «Человека сознательного». Разумеется, это мышление может быть и будет только сложным, и сама «сложность» будет существовать для него, как самостоятельный предмет и атрибут сознания. Одним словом, в ходе предстоящего процесса самоорганизаций, основанного на новых человеческих принципах рациональности, сформируется мировое Человеческое общество.

Не «соблюдение правил игры» и не «изменение правил игры», а решительный отказ от восприятия единого Человечества, как «площадки для игр» – вот как будут переформулированы задачи для «Человека сознательного»! Главное его отличие – это принципиальная нацеленность на «сохранение и развитие (отнюдь не только экономическое) единого Человечества» (вновь отмечу: отличного от нынешней «глобализации» и «изменения чьих-либо «зон влияния»). Его опора – это не действия, которые исходят «из опыта прошлого» (на чём преимущественно построены все сегодняшние теоретические и практические модели будущего мировой политики), а имманентное следование за «причиной из будущего» (не здесь ли находится тот глубокий потенциал для взгляда на политику, который залегает в Аристотелевском *ката сѹμβεβηκος* [ката сѹмбебикос] («привходящее»)?

Науки о политике и международных отношениях во многом не вышли до сих пор из «железного обруча» прагматизма и редуционизма, заданного прошлым опытом и текущими обстоятельствами. Надо признать, в том, что касается исходных посылок – здесь так и не произошла пока не только своя «квантовая», но даже «коперниковская революция»! Задача их обновления, приведение в соответствие со временем, а главное – нацеленности на перспективу, объективно назрела, и развитие концепта «Человек сознательный» способно, как представляется, дать тому серьёзный импульс. По мере освоения очерченных задач будет востребовано и новое понятие «сложности в социуме и политике» (но уже не как очередной управленческой и технической, но как новой сущностной – в Аристотелевском смысле – задачи), которое послужило стимулом для написания данной статьи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ

Введение

Работа над данной темой неожиданно (для автора) «наложилась» на прочтение статьи «Трёхзначная логика и троичная информатика Н.П. Брусенцова: их Аристотелевские основания» (Виктор Борисович Кудрин, Константин Станиславович Хруцкий²). Еще более неожиданным (с учетом «дистанции» между столь несхожими областями научных исследований, какими являются «политическая наука» и «Биокосмология») стало то, что это чтение существенно повлияло на преодоление по крайней мере некоторых из тех «трудных вопросов», на которые автор не находил ответа. В этой связи встаёт более общий вопрос о том, в какой степени принципы Аристотелевского рационального научного (Органицистского) знания применимы к такой специфической сфере, как политика и международные отношения. В силу этого, данную статью можно рассматривать и как «читательский отклик» на

² В электронном журнале «Biocosmology – neo-Aristotelism», Vol. 7, Nos. 3&4, Summer/Autumn 2017.

упомянутую работу В.Б. Кудрина и К.С. Хруцкого, и, в то же время, как предварительные суждения по вопросу, поднятому в предыдущей фразе.

1. Актуальность аутентичного прочтения «Политики» Аристотеля для современной политической философии

Давно замечено, что работы отечественных и зарубежных авторов по политической теории (политической философии) непременно включают ссылки на «Политику» Аристотеля и основные элементы его логики (с положенной сегодня «двоичностью» и «исключением третьего»). Не менее распространена и «авторитетная ссылка» на Аристотеля про то, что «человек – это политическое животное» (до недавних пор эта цитата «гордо реяла» на официальном сайте Общественной палаты и прошло время после моего замечания влиятельному там некогда человеку «снимите с сайта и не воспроизводите эту чушь», прежде чем её в итоге убрали с главной страницы). Сам я узнал об этой давно тиражируемой ошибке с радостью, ибо термин коробил сам по себе, не так давно, и признаюсь, почти случайно, от православного антрополога: Аристотель, следуя представлениям своего времени и собственному целостному, всеохватывающему и динамичному видению мира, видел окружающую его реальность, как живое целое, а его ζῷον πολιτικόν [зоон политикон], которого через сотни лет (по ошибке, или намеренно) нарекли «политическим животным», был для него «живым существом полиса» (человеком, живущим в тогдашнем социуме-полисе). Именно в полисе человек становится человеком (но не «животным») среди других, живущим в обществе, управляемом рациональными законами и обычаями. В фундаментальном труде «Политика» Аристотель следующим образом формулирует смысл и назначение полиса:

«Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. <...> Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

<...> природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. <...> Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство, по сравнению с семьей

и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [Аристотель, 1983, Политика, I 2, 1252b28-33 – 1253a1-3]³.

Отчасти и поэтому прочтение статьи В.Б. Кудрина и К.С. Хруцкого, в которой столь важное место отведено смысловой ошибке в переводе на европейские языки аристотелевского понятия *ката συμβεβηκος* [*ката сямбебикос*] («привходящее», причинные действия «по обстоятельствам»), как основного элемента трехзначной логики Аристотеля, «упало на благодатную почву»: оказывается, что не только в политологии (с её двухмерным «политическим животным», вместо «человеком-общественным существом»), но, как утверждалось в статье, и в философской и общенаучной логике в целом имел место существенный «логико-понятийный сбой», самым существенным образом сказавшийся на дальнейшем развитии научных представлений в самых разных сферах. Разумеется, у меня не мог не возникнуть вопрос о том, в какой мере это коснулось наук об обществе, политике и международных отношениях.

2. Необходимость пересмотра основных понятий в науках об обществе

Одним из проявлений этого логико-понятийного «сбоя» стало, на мой взгляд, всё более активное вторжение в наши дни в самые различные научные дисциплины понятия «сложности». Это коснулось и политической науки, и науки о международной политике: «усложнение мира» вокруг нас на уровне обыденного сознания не требует доказательств (в силу его очевидности), поэтому не удивительно, что ссылки на «сложность» предмета политических исследований также стали сегодня «общим местом» в работах не только начинающих, но и маститых авторов. Особенно они заметны в публикациях и ещё больше – публичных выступлениях российских политологов и историков (что лишь отчасти объяснимо положением, в котором пребывает наша страна). Разнится лишь степень «значимости» этого, якобы, нового феномена: от констатации его, как некоей «непознанной пока до конца» и посему подспудно «тревожной» данности, которую предстоит исследовать и прояснить, до призывов к осознанию неких качественных перемен, которые вносит эта растущая «сложность» в соответствующие оценки практической политики. Не может оставаться в стороне от этих новых процессов и политическая философия. Хотя бы потому, что без её привлечения трудно рассчитывать на формирование востребованной сегодня «культуры стратегического мышления» (последняя, по определению, сложна и будет только усложняться в глобализирующейся мировой политике).

На этом фоне, представляется, что мы вступаем не просто в очередной период, когда учёные (в данном случае политологи) сталкиваются с новой и просто более сложной действительностью и, соответственно, «новой исследовательской задачей» (это можно назвать «объективным нарастанием «сложности»), но с нарастающим несоответствием между принятыми ранее в

³ Цит. по: Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. – С. 375–644.

этих науках понятиями, определяющих сам процесс исследования, и наблюдаемыми реальными событиями и процессами. Поскольку всё это сказывается в итоге на моделировании действительности и будущего, встаёт вопрос о формируемой сегодня потребности если не смены научной парадигмы, то, по крайней мере, в существенном переосмыслении методологии. Прошлые, казалось, навсегда устоявшиеся здесь теоретические воззрения и аналитические приёмы, практически всегда имеют в своей основе аналитические конструкции, являющиеся рационализированными версиями объяснения прошлого. Мир на глазах претерпевает настолько глубокие и неожиданные трансформации, что «объяснительная», «прогнозирующая», а тем более «формирующая» функции наук о политике явно снижаются⁴ (это особенно ощутимо на фоне стремительно меняющейся системы коммуникаций, активно микширующей «научное знание» и «публицистику» (как правило, политически ангажированную), на глазах теряют свою «разрешающую способность» (а в пределе, вообще перестают исчерпывающим образом объяснять современный миропорядок).

Оставляя в стороне «алармизм», насаждаемый по этому поводу в публицистике, следует всё же признать, что нарастающая «сложность» - это отнюдь не некая особенность, и тем более, неожиданный «вызов», выпавший вдруг на долю наук о политике и международных отношениях. Представляется, что это скорее некий общий тренд, проявившийся по ряду причин столь наглядно на рубеже веков в самых различных отраслях науки. Что касается наук об обществе (в том числе, и о мировой политике), то здесь скорее уместнее говорить лишь о явно проявившемся в XXI веке осознании постепенного и долго накапливаемого запаздывания в восприятии и интерпретации истинной природы тех процессов, которыми призваны заниматься политические науки (некоторые авторы склоняются и к исторической исчерпанности самих этих процессов). В особенно заметной степени это проявилось в доминирующих, подчас противоречивых оценок научным сообществом будущих сценариев и моделей мирового развития.

Впрочем, если быть точным, предвидения о том, что такая ситуация рано, или поздно созреет и наступит, поступали достаточно давно. Последним, наиболее глубоким (а также не понятого современниками, и в итоге забытым) предупреждением-напутствием перед лицом этой потенциальной угрозы стала итоговая фундаментальная четырехтомная работа П.А. Сорокина «Социальная

⁴ Как метко формулирует это положение дел современный российский автор: «Сложность и нелинейность современного мира бросают вызов классической рациональности и линейному мышлению, в которых фактически отсутствовали представления о сложности. Представления о природе и обществе как огромной детерминистической системе, полностью определяющей своё существование начальными условиями, дополняются представлениями о сложных стохастических процессах. Если ранее сложность природной и социальной действительности виделась досадным следствием незнания, то в настоящее время сложность осмысливается как их неотъемлемый атрибут». См. П.В. Ополев «Метафизика сложности и «сложного мышления», Философские науки. Омский научный вестник, №1 (125), 2014, с. 96.

и культурная динамика» (1937–1941 гг.). Раскрытие всего потенциала этой работы для наук об обществе ещё предстоит, тем не менее, большой задел на этом пути уже сделан в статье К.С. Хруцкого⁵.

3. Универсальное значение темы «сложности» для эпистемологии

В философских работах тема «сложности» получила сегодня активное развитие, оставаясь в рамках собственного научного ареала – преимущественно гносеологии и эпистемологии (назовём этот ракурс проблемы «субъективной сложностью»). Следует изначально подчеркнуть, что выводы и гипотезы, сделанные философами на этом пути, имеют в конечном итоге универсальное значение для всех наук, в том числе политической философии. Тема эта для философии отнюдь не нова: представления о «сложности», как особом понятии, развивалась со времён Демокрита, но именно сегодня они получают особую значимость и звучание для общественных наук: науки о человеке и обществе не только поднялись до уровня наук о природе, но именно с ними всё более связывают будущее Человечества.

Вместе с тем, и это может показаться парадоксальным, по мнению некоторых философов, «ни философия, ни наука не имеют ясного определения сложности»⁶ (и это при том, что «определений» существует множество – на одном из американских сайтов представлено «дерево наук о сложности», с десятками вовлечённых научных дисциплин (от математики и компьютерных, включая, разумеется, моделирование и управление, до когнитивных и психологических), сопровождаемое «секторальными представлениями» о «сложности»). Осмысляя становление и развитие представлений о сложности в философии, а также диалектические аспекты «сложности», упомянутый уже П.В. Ополев в итоге отмечает, что все попытки дать определение этой категории (а он привел в качестве примера более десятка таковых только у современных российских авторов!) «...представляют собой не более чем эвристические метафоры. Впрочем, исследование сложности вряд ли оказывается возможным без использования такого рода выразительных средств. В конце концов, сама сложность становится источником метафор, стимулируя перенос эвристических моделей из одной предметной области в другие»⁷. Попытке такого «переноса» концепта «сложности» (причём в самом первом приближении) в науки о политике и международные отношения и посвящена данная статья.

Признавая роль естественных наук, математики и философии в разработке понятия «сложности», автор не претендует на некое развернутое и

⁵ См. по этой теме: Хруцкий К.С. Перечитывая «Ответ моим критикам» П.А. Сорокина: К вопросу о реабилитации триадологического метода в динамической циклической теории великого ученого // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 5, Nos. 3&4, Summer/Autumn 2015.

⁶ Ополев П.В. Сложность и усложнение как социокультурный феномен. М.: ЛЕЛАНД, 2018, с. 9.

⁷ Там же, с. 96.

окончательное определение этого понятия применительно к обществу и политике. Тем не менее, возьму на себя смелость высказать несколько мыслей, которые позволяют, на мой взгляд, обозначить лишь некоторые главные отличия «сложности» в политике и природе. Прежде всего следует отметить существенно более низкий уровень формализации понятий, свойственный наукам об обществе. Помимо этого принципиального отличия, есть и ряд других, не менее существенных: так в политике гораздо реже имеет место «необратимая последовательность событий», которая свойственна упомянутым наукам (хотя и «обратимость» здесь, как правило, неполна («нельзя войти в одну и ту же реку дважды»). В силу этого, и природа «вероятности» в политике иная – гораздо выше, т.к. следует не только за труднопресказуемостью, как в естественных и логико-математических процессах, но и в каждом случае представляет собой личностные решения (обладающие принципиально иной рациональностью), – понятие «сложной адаптирующаяся система» к сфере политики (в том числе мировой) если и применимо, то скорее в целях существования таковой, пусть даже как гипотезы – неустойчивость этой «системы» достаточно очевидна на всём отрезке наблюдаемой истории; столь же не очевидна здесь и ограниченность пресловутой «способности к самоорганизации» – в политике (в том числе мировой) практически всегда «есть место для ошибок» в реализации на практике этой «организации» (поэтому мы до сих пор присутствуем скорее при разворачивании процесса становления такой «организации» – упомянутая «возможность ошибки» в политике формирует и принципиальную неопределенность перспектив: угроза «гибели человечества», как тема XX века, – это не просто пропагандисткам уловка, к которой прибегают «акторы», пугая друг друга «полным уничтожением», ведь сама смена базовых условий существования человечества, таких, как, например, – неуклонное снижение биоразнообразия, способны изменить в итоге и природу человека; – подытоживая первоначальные размышления по теме «сложность в политике», их можно кратко резюмировать так: то, что в естественных науках привело к концепту «вероятностного», в политике можно обозначить, как «сбой в рациональности», как «действия преимущественно в зоне риска».

Нередко сегодняшнюю трансформацию социокультурной действительности и необходимость её переосмысления с новых гносеологических позиций связывают с постмодернизмом. Как бы «открывая заново» понятие «сложности», и реагируя на вызовы возникшего мировоззренческого кризиса (размывание классической модели мировидения, относительность, вероятностность и процессуальность, как альтернативы законченности и детерминизму науки XIX века, а отсюда – сомнения в упорядоченности мира и его строгой и рациональной системности, и т.д.), и, в конечном итоге – реализуя попытки успешного разрешения возникших вопросов.

В эпистемологическом смысле, среди философов, с разной степенью настойчивости, но устойчиво артикулируется сегодня мысль, что прежний,

классический взгляд на науку (т.н. «ньютоновский мир») будет постепенно дополняться и изменяться, следуя за переменами в физической картине мира, связанных прежде всего с квантовой теорией в физике, и он уже меняется в естественных науках⁸ («трёхзначная логика» (maybe logic, с её установкой на «не случилось, но может случиться»), которая характерна для квантового мира, порождая вероятностную «квантовую логику»). По мудрому выражению В.Б. Кудрина, существуют «системы с нередуцируемой сложностью» [Кудрин, 2015] и представляется, что социальные и политические системы должны быть отнесены к этому классу. В какой степени все эти мысли приложимы, когда речь идёт об обществе и политике – все эти вопросы предстоит для начала грамотно сформулировать, прежде чем начинать искать ответы на них.

И всё же науки о политике не остались полностью в стороне: от системного подхода, через «количественные методы» и «математизацию прикладных знаний об обществе», вплоть до современных интерпретаций «глобального эволюционизма» (с его «антропным принципом»), увязывающего неорганический, органический и социальный миры – все эти концептуальные новации всё более тесно стремятся увязать природу, глобальный социум и мировую политику. Наиболее ярко эта тенденция проявилась при появлении нацеленной преимущественно на форматирование будущего «синергийно-коммуникативной парадигмы». На этом общенаучном фоне особенно заметно, сколь много вопрошаний возникает к «классике» наук о политике и международных отношениях, истоки которой лежат в рамках воззрений столетней и более давности.

При таком подходе, «сложность» и «вероятностность» всё ещё ожидают своего признания в науках об обществе и мировой политике. Все больше сторонников того, что «классическая» история и теория международных отношений, как и её современные изводы, равно как и механическая «междисциплинарность», вряд ли останутся достаточными концептуальными основами и инструментами для объяснения будущего мирового развития.

В первом приближении, «сложность» в изучении мировой политики можно кратко определить как совмещение в текущем пространстве и времени объективного многообразия (устойчивого нарастания количества факторов и разнородных по природе субъектов действий в системе международных отношений, а также прямых и обратных взаимосвязей между ними) и его субъективных оценок (всё более ощутимые исследователями трудности в анализе текущих и перспективных состояний мировой системы, следствия чего проявляются в возрастающей вариативности их текущих и прогностических оценок и в итоге неуверенность Человечества в собственном будущем) (автор планирует развить эти взгляды в последующих работах).

⁸ См. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая, М.; Эдиториал, УРСС, 2001.

4. Формирование «культуры сложного» – неперенное условие выработки адекватной политической стратегии

Интерпретация «сложности» учёными-международниками преимущественно ограничена пока рамками хорошо известных представлений и категорий, наработанных в исторической науке и науках о политике, а в последние десятилетия обильно дополненными подходами из «системного анализа». Отсюда, многочисленные ссылки как в работах по политической теории, теории международных отношений и исследованиях их отдельных и весьма многочисленных аспектов на растущую междисциплинарность, рост числа «элементов системы» и взаимосвязи между ними, появление новых участников международных отношений, неустойчивость и изменение конфигурации «союзников» и «противников» («партнеров», используя современную нормативную российскую политическую лексику), представлений о «силе», увеличении взаимосвязи внутренней и внешней политики, национального социума и внешней политики, нарастание скорости изменений в каждом из подсистем и элементов, и т.д. Представляется, что при всей справедливости этих преимущественно «количественных» критериев оценки, идущие перемены ставят более общие сущностные вопросы. Латентно они уже проявляются в работах учёных-международников, как правило, в виде «риторических вопросов-дилемм», причем, отметим, поставленных учёными из разных стран: «сложность и детерминизм», «сложность и нелинейность», «сложность и рациональность», «сложность и предсказуемость», «сложность и управляемость» ... ограничимся пока лишь этим кратким иллюстративным перечнем.

«Сложность», применительно к международным делам, касается не только неизбежной эволюции взгляда на предмет, но и пересмотра границ самого предмета – в чем причины усложнения «социального» в современном мире и где заканчиваются сегодня границы социальных явлений в отдельных странах, на региональном уровне и в мире в целом, поскольку все они в той, или иной степени связаны с международными делами? Тем более что новые информационные технологии и воздействие электронных СМИ делают весьма проницаемыми границы между внешними и внутренними событиями. Все это видится не только как возрастание «объективной сложности», но и свидетельствует о формировании новой парадигмы мировой политики (отсюда проистекает и «субъективная сложность» восприятия нового, когда для этого используются прежние подходы).

Вместе с тем, на фоне перечисленных выше перемен, создается впечатление, что в науках о политике и международных отношениях, имеет место развитие аргументации, подтверждающей нарастание преимущественно упомянутой «объективной сложности» рассматриваемых предметов анализа, оставляя вне зоны внимания «субъективную сложность», которая изучается преимущественно эпистемологией. Сблизить два подхода к одному и тому же предмету анализа способна помочь, на мой взгляд, всё та же «междисциплинарность» (хотя некоторые авторы и призывают к переходу от

«междисциплинарности» к «трансдисциплинарности»), понимаемая, однако, не механистически, как прежде, а синергетически. Ещё одним важным нововведением способен встать иной взгляд на главного «актора» мировой политики (он же ведущий субъект, участвующий как в восприятии, так и интерпретации мира, как собственной среды, характеризуемой нарастающей «сложностью»). Этим «актером» должно быть не только государство, как принято считать в науках о мировой политике (что формально верно, ибо полностью соответствует устоявшейся практике международного общения), но и сам Человек! Науки о мировой политике должны быть «развёрнуты» к Человеку – главному в итоге «актеру», «бенефициару», или «пострадавшему» от мировых процессов. Автор прекрасно отдаёт себе отчёт в том, подобная переоценка традиционного взгляда – это серьёзная задача, которая потребует времени для её осмысления, формулирования и осознания⁹.

В весьма интересных работах по теме «сложности» российского философа П.В. Ополева проводится мысль о том, что «сложность» требует и способности воспринимать её, как самостоятельную категорию, равно как и развития способности «мыслить о сложном» и «мыслить сложно» (применительно к политической теории, как науки и учебной дисциплине, речь должна идти о формировании «культуры сложного», наличие которой требует выработка адекватной, долгосрочной политической стратегии). Первой (насколько мне известно) в российской научной литературе эту тему затронула известный политический теоретик Т.А. Алексеева, которая отметила двойственную природу «стратегической культуры» – как «контекста» и как «особого типа эпистемологии» [Алексеева, 2012].

Наряду с этим, что представляется еще более важным, всё это потребует некой «особой этики» (заметим, что «сложность» предстаёт в воззрениях П.В. Ополева и как «инвариантная структура жизненного мира», т.е. она константна). Отсылка к этической стороне вопроса, естественно, обращает нас к тематике «философской антропологии», которая отсылает нас к вопросу – как видится сам Человек в науках о политике и международных отношениях?¹⁰

⁹ Одной из возможных интерпретаций сравнительного «запаздывания» наук о политике и международных отношениях в оценке (а ещё больше прогнозировании), при всём новаторстве многочисленных публикаций на этот счёт, являются взгляды швейцарского психолога и философа Жана Пиаже, автора теории т.н. «генетической эпистемологии». Используя его концепт «развития структур интеллекта» (отталкиваясь от исследований возрастной психологии), можно предположить, что представления наук о политике (как и в значительной мере соответствующего и создаваемого ими самого «мира политики») находятся пока в «переходном возрасте» – между эгоцентрическим (детским) и социализированным (взрослеющим) этапами развития. В политике также налицо сохранение устойчивого наследия первого (доминанта «национальных интересов»), но вместе с тем и появление зачатков второго (растущее осознание «общности Человечества»).

¹⁰ как глубоко подметил М. Хайдеггер: «Чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, (чем объективнее становится объект, тем субъективнее, т.е. выпуклее выдвигает себя субъект) ... тем неудержимее наблюдение мира и науки о мире превращается в науку о человеке, в антропологию». [Хайдеггер, 1993].

Мне довелось сформулировать некоторые позиции по этому вопросу на конференции в Женевском институте исследования мира в ноябре 2016 г.¹¹ Вспомним, для начала, отправную точку «политического реализма» у одного из его отцов-основателей Ганса Моргентау: «...у политики есть объективные законы, а их основа – вечная и неизменная природа человека» (понимаемого, разумеется, как то самое пресловутое «политическое животное»). Следуя этой точки зрения, в мире, где всё подвержено изменению, в том числе представления о главном «движителе мировых процессов» – государствах и их интересах, неизменен только сам человек – «политическое животное». Печальная перспектива...

Убедительной иллюстрацией такого исходного взгляда на Человека и созданный им миропорядок и являются доминирующие сегодня взгляды на всю историю международных отношений: их движущая сила – экспансия, агрессивность и соперничество, «прописанные в генах» *Homo Sapiens*, что считается доказанным и раз и навсегда данным. Соответствующим видится и будущее мира, как бесконечного «бега по замкнутому кругу» соперничества-соревнования, экстремальной точкой которого является война (отсюда все эти «вызовы-ответы», «зоны влияния», «выигрыши-уступки», «размены и обмены», «кнуты и пряники», «игры с нулевой суммой» и прочие похожие занятия, которыми испокон веков предаются «игроки» (!) мировой политики). Как едко подмечено у Ю. Хабермаса (который тоже не преминул заметить, что «всемирное общество стало слишком сложным»): «при сохранении традиционных взглядов на политику «...все возможности выбора сводятся к нелепой альтернативе войны и мира»¹².

Нельзя хотя бы кратко не упомянуть здесь ещё одно важное положение Аристотелевского учения, которое редко становится предметом научно-рационального осмысления и анализа. Речь идёт о принципиальном различии у Аристотеля «экономики» и «хрематистики», которое уже было подробно рассмотрено в работах А.И. Орлова. Согласно А.И. Орлову (позицию которого мы полностью поддерживаем), в современной экономической науке произошла подмена понятий: экономикой стали называть то, что Аристотель назвал «хрематистикой», то есть деятельность, направленную на извлечение прибыли, на накопление богатства. Хрематистике Аристотель противопоставлял истинную экономику («домоводство»), под которой он понимал науку о разумном ведении хозяйства, при котором сохраняется природный (естественный) способ обмена произведенных вещей и денег, направленный на производство и приобретение благ для дома и государства. [Орлов, 2011; 2017].

Представляется, что для состояния социума и наук о социуме победа хрематистики (наряду с присвоением ей имени «экономики») имела самые глубокие и долгосрочные последствия для Человечества, постепенно

¹¹ Fondation GIPRI, Novembre 2016 – Homo Conscious as an Exit from the Crisis of World Politics – d'Alexey Kozhemyakov (Texte et Entretien pour la conférence: Quelle paix pour quel ordre du monde? <http://www.gipri.ch/evenements/conferences-2/conference-paix/articles/>

¹² Хабермас Юрген. Расколотый Запад. М.: «Весь Мир», 2008, с.36.

редуцировав ко времени Постмодерна «человека разумного» в «экономического человека». В мировой политике значение «экономического фактора» выглядит сегодня на поверхности чуть ли ни как доминантное (так, в итогах двусторонних встреч на высшем уровне непременно встретится (а то и на первых местах!) упоминание о «цифрах взаимного товарооборота», нередко затмевающих и так далеко не всегда афишируемые политические итоги таких встреч). Настойчивая привязка мировой политики к экономике, о чем написаны горы книг и статей, стала практически аксиоматичной (если бы ни ситуативно различные толкования роли каждого элемента из этой пары понятий), предав полному забвению Аристотелевское различие «двух типов хозяйствования»:

После того как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать состояние, именно торговля. <...> Создалось представление, будто предметом искусства наживать состояние служат главным образом деньги... И под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег, вследствие того, что будто бы искусство наживать состояние и торговля направлены к этой цели» [Аристотель, Политика I 3, 16, 1257b1-15]¹³.

Однако не менее очевидно и то, что продолжение сложившихся подходов к т.н. «экономической деятельности» не имеет длительной перспективы, ибо исторически конечно (народонаселение, ресурсы, экология просто не оставят такой возможности). В силу этого, и невзирая на агрессивно-доминантные апологетические суждения, нам неизбежно предстоит ещё осознать истинное значение Аристотелевских различий, чтобы переосмыслить и подготовить экономику будущего¹⁴. А вслед за этим (или параллельно с этим) и соответствующий этим переменам новый взгляд на «мировую политику». Как доводилось слышать автору на международных конференциях в последние годы, некоторые западные учёные-экономисты выдвигают идею перехода от нынешней к «сознательной экономике». Независимо от этого и российские учёные выступают за смену парадигмы развития, необходимость включения в неё в качестве главного критерия «создание условий для совершенства каждого человека»¹⁵

5. «Человек сознательный», в свете нео-Аристотелизма

Следует отметить, что уже не первое десятилетие в мире формируется и иное, открытое в будущее (и будущему) представление о Человеке и его

¹³ Цит. по: Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. – С. 375–644.

¹⁴ Заметный шаг в этом направлении в наши дни сделан в статье: Хруцкий К.С., Смирнова О.А. Вопросы нравственного хозяйства в свете русской философско-религиозной традиции на рубеже XIX-XX столетий: с позиций биокосмологии // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 4, No. 3, Summer 2014.

¹⁵ Бондаренко В.М. Экономический рост и структурные преобразования с позиций развития человеческого общества. Вестник Института экономики РАН, №6. 2017, с.74-86.

природе, ориентированное не столько на прошлое и настоящее, сколько на грядущее мироустройство (способствует тому открытия многих наук: от физики (начиная с квантовой теории до квантовой, вероятностной логики, позволивших преодолеть механицизм прошлого), до нейронауки (работы Дирка Мейера и Ханса Гиисинга 2017 года о многомерности человеческого сознания и его связи с Космосом). Благодаря этим и другим открытиям, речь идет о становлении нового типа человека – «Человека сознательного» (Homo conscious) и формируемого им «Человеческого общества», как назвали его авторы концепта, разрабатываемого последние двадцать лет группой петербургских авторов. Кратко, суть их развернутых в систему междисциплинарных воззрений, в том, что касается мировой политики в следующем: наступающая эпоха (эра) станет эпохой осмысленного утверждения «Человеком Сознательным» единства Человечества, изначально появившегося, как «глобальное явление». Сама «глобализация» перестанет быть расплывчатым, без ясных целей, почти стихийным явлением (и одновременно «условием», «средством» и «целью», как они видятся сегодня группе «ведущих держав»), а превратится в трансформационный и контролируемый сознанием процесс формирования практически (а не декларативно) объединенного Человечества, ориентированного на общее будущее людей. Сохранение и гармонизация жизни на планете, наличие общей для всех «причины из будущего» станет главной отличительной особенностью мышления «Человека сознательного». Разумеется, это мышление может быть и будет только сложным, и сама «сложность» будет существовать для него, как самостоятельный объект и атрибут сознания. Одним словом, в ходе процесса самоорганизаций, основанной на новых «человеческих принципах», сформируется мировое Человеческое общество¹⁶. Вместе с тем, если попытаться заглянуть в более отдалённую перспективу, «усложнение» (в том, что касается общества и Человечества) не является некой доминантой, уходящей в историческую бесконечность. Можно предположить, что смена самих оснований рациональности, сопутствующая принятию «Человеком сознательным» «причины из будущего», как руководства к действию, в какой-то мере «упростит» мир. Это «упрощение» не только будет отражением новых принципов рациональности, но и будет альтернативой нынешней «сложности» (воспринимаемой, как хаотизация), знаменовать выход из нынешнего кризисного состояния, через его радикальную рационализацию, освобождение от «зашоренности настоящим» и разделенности мира, которые и делают современную мировую политику «сложной» (а по-сути перманентно конфликтотгенной).

¹⁶ Впервые ссылка на этот концепт была сделана публично на «Конгрессе III тысячелетие», прошедшем в Санкт-Петербурге осенью 2000 года и продолжена затем в работах НИИ Человеческого общества, оформленного в 2016 году в С-Петербурге. (см. Анисимов А.М., Градов С.Ю. Итоги развития Человечества и задачи Человека Сознательного, Санкт-Петербург, СИНЭЛ, 2015).

Те взгляды на человека, которые были стартовой позицией для Ганса Моргентхау, являются не просто устаревшим, но и весьма опасным анахронизмом для «Человека сознательного» – они отличаются, как канувший в Лету каменный топор от будущего квантового компьютера. Не «выигрыш-проигрыш», не «соблюдение правил игры», или их «изменение», а решительный отказ от восприятия единого Человечества, как «площадки для игр» – вот как будут переформулировано восприятие мира и задачи для «Человека сознательного»! Главное его отличие от «человека Моргентхау» – это принципиальная нацеленность на «сохранение и развитие (отнюдь не только экономическое) единого Человечества» (вновь отмечу: отличного от нынешней «глобализации» и «расширении чьих-либо «зон влияния»). Его опора – это не действия, которые исходят «из опыта прошлого» (на чём преимущественно построены все сегодняшние теоретические и практические модели будущего мировой политики), а имманентное следование за «причиной из будущего» (не здесь ли находится тот глубокий потенциал для взгляда на будущую политику, который залегает в последнем элементе Аристотелевской триады – *κατα συμβεβηκος* [*ката сямбебикос*] («привходящее»), о чём писали в упомянутой статье В.Б. Кудрин и К.С. Хруцкий?).

Тем временем, мы не питаем иллюзий: в силу понятных ограничений (первое из которых – тесная связь с практической политикой, пребывание с ней в едином пространстве и времени) науки о политике и международных отношениях во многом не вышли до сих пор из «железного обруча» прагматизма и редукционизма, заданного прошлым опытом и текущими обстоятельствами. Надо признать, в том, что касается исходных посылок – здесь так и не произошла пока не только своя «квантовая», но даже «коперниковская революция»! Задача их обновления, приведение в соответствие со временем, а главное – нацеленности на перспективу, объективно назрела, и развитие концепта «Человек сознательный» способно, как представляется, дать тому серьёзный импульс.

Заключение

Органическая сложность мира, проявляющаяся не только в физике и биологии, но и в общественных науках, диктует нам необходимость если и не радикального пересмотра, то уж непременно – обновления представлений о Человеке, его настоящем и, в ещё большей степени, будущем, отхода от двузначной логики «свой-чужой» в политике. Программа исследовательских вопросов в статье лишь предварительно обозначена, но уже понятно, что она должна начаться с более предметного определения «сложности» в политике (лишь кратко обозначенного в тексте). На каждой стадии этого непростого процесса следует учитывать то, что в отличии от «сложности» в физике, математике и управлении, в науках об обществе и политике (особенно мировой), существуют и проявляют себя «разные движители», отличные по своим истокам и степени рациональности. Отсюда и различие в природе «вероятности» и «рациональности» в том, что касается результатов. Главное в

том, что первоначало в науках об обществе – это Человек, причём эволюционирующий, а не неизменный. К числу таких исследовательских задач следует отнести и полное раскрытие различий между «объективной» и «субъективной» «сложностью», равно как и практическому их взаимодействию в принятии конкретных политических решений, прежде всего носящих стратегический характер (именно в этом, а не в комментаторстве происходящего, видится нам будущее роль учёных-политологов и международных, предварительно преодолевших своё «внутрицеховое соперничество» за лидерство).

По мере освоения очерченных задач будет востребовано и новое понятие «сложности в социуме и политике» (но уже не как очередной управленческой и технической, но как новой сущностной – в Аристотелевском смысле – задачи), которое послужило стимулом для написания данной статьи.

Литература

- Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции. «ПОЛИС», 2012, N5, с.130–147.
- Анисимов А.М., Градов С.Ю. Итоги развития Человечества и задачи Человека Сознательного, Санкт-Петербург, СИНЭЛ, 2015.
- Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. – С. 375–644.
- Бондаренко В.М. Экономический рост и структурные преобразования с позиций развития человеческого общества. Вестник Института экономики РАН, №6. 2017, с.74–86.
- Кудрин В.Б. Целевая причина подобий организмов и событий в свете философии А.Ф. Лосева // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 5, No 1, 2015. – С. 51–64.
- Кудрин В.Б. Гилетика в суперсистеме знаний Аристотеля // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 5, Nos 3&4, 2015. С. 414–422.
- Кудрин В.Б., Хруцкий К.С. Трехзначная логика и троичная информатика Н.П. Брусенцова: их Аристотелевские основания // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 7, Nos 3&4, 2017. С. 337–388.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая, М.; Эдиториал, УРСС, 2001.
- Ополев П.В. Метафизика сложности и «сложного мышления», Философские науки. Омский научный вестник, №1 (125), 2014, с.96.
- Ополев П.В. Сложность и усложнение как социокультурный феномен. М.: ЛЕЛАНД, 2018.
- Орлов А.И. Устойчивые экономико-математические методы и модели. Разработка и развитие устойчивых экономико-математических методов и моделей для модернизации управления предприятиями. Saarbrucken (Germany), LAP (LAMBERT Academic Publishing), 2011. 436 с.

- Орлов А.И. Вперед к Аристотелю: функционалиско-органическая (солидарная) информационная экономика взамен рыночной экономики // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. Vol. 7, Nos 3&4, 2017. С. 411–423.
- Пиаже, Жан: теория, эксперименты, дискуссии: Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. — М.: Гардарики, 2001.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика Издательство: «Астрель», «Харвест Астрель», 2006.
- Хабермас Юрген. Расколотый Запад. М.: «Весь Мир», 2008, с. 36.
- Хайдеггер, Мартин. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993, с.53.
- Хруцкий К.С. Перечитывая «Ответ моим критикам» П.А. Сорокина: К вопросу о реабилитации триадологического метода в динамической циклической теории великого ученого // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 5, Nos. 3&4, Summer/Autumn 2015.
- Хруцкий К.С., Смирнова О.А. Вопросы нравственного хозяйства в свете русской философско-религиозной традиции на рубеже XIX – XX столетий: с позиций биокосмологии // *Biocosmology – neo-Aristotelism*, Vol. 4, No. 3, Summer 2014.
- Dirk K.F. Meijer and Hans J.H. Geesink. Consciousness in the Universe is Scale Invariant and Implies an Event Horizon of the Human Brain. *NeuroQuantology* | September 2017 | Volume 15 | Issue 3 | Page 41–79.